

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ: КАТЕГОРИЯ ИНАКОВОСТИ

Д.О. ПОЛОВЦЕВ

Во второй половине XX века основными характеристиками сознания стали междисциплинарность, мобильность, отказ от застывшей идентичности. Гетерогенность пронизывает все важные события жизни и сознания людей. Инаковость – одно из центральных понятий гуманитарной мысли XX века. Она лежит на пересечении большинства гуманитарных и социальных дисциплин современности: этики, онтологии, богословия, постколониализма, семиотики и т.д. Носителем инаковости является Другой; инаковость при этом выступает характеристикой Другого. Другой несет инаковость в качестве «своей сущности» (Э. Левинас). Принципиальным моментом в трактовке Другого является его инаковость, которая познается в соотношении с Я. Инаковость не является некоторой абстрактной сущностью, а может быть представлена через отношение «Я – Другой».

Несмотря на то, что теоретические основы различных концепций Другого и инаковости оказались разработаны преимущественно в рамках философского дискурса, проблема инаковости является междисциплинарной. Так, в рамках литературоведения к проблеме инаковости в своем творчестве обращались, например, М. М. Бахтин, Ж.-П. Сартр.

Первый опирается преимущественно на произведения Ф. М. Достоевского и в качестве Другого рассматривает автора. Благодаря своей «внеаходимой» позиции автор, находясь вне героя, обладает «избытком видения» по отношению к нему и может завершить жизнь героя. «Избыток видения» позволяет автору придать герою законченную форму. «Внеаходимость» выражается в различии жизненных местоположений, благодаря которому «здесь» для меня может быть «там» для Другого. М. М. Бахтин полагает, что автор знает все, что знает его герой и еще больше. Это знание делает автора «внеаходимым». М. М. Бахтин говорит об «абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст» [1, с. 116].

Концепция М. М. Бахтина дополняется сартровской, так как оба в своем творчестве создают близкие понятия. У М. М. Бахтина: «Я-для-себя», «Я-для-другого», «Другой-для-меня»; у Ж.-П. Сартра: «Бытие-в-себе», «Бытие-для-себя», «Бытие-для-других». Общим для обеих концепций является то, что человек не может уйти от контакта, от соприкосновения с Другим. Однако по убеждению Ж.-П. Сартра,

межличностные отношения изначально конфликтны. Для Ж.-П. Сартра ситуация взаимодействия с Другим происходит в форме конфликта, причем конфликт неизбежен, так как отношения равенства, как считает Ж.-П. Сартр, невозможны: конфликт есть первоначальный смысл бытия-для-другого.

То, что в философских рассуждениях Ж.-П. Сартра обретало обобщенный характер, в художественном творчестве оживает, наполняется множеством значений и характеристик. Написанная в 1943 г. пьеса «За запертой дверью», кажется, является пособием по теме «Других». Пьеса иллюстрирует идею: «Ад – это Другие». Темой пьесы являются отношения с Другими. Выясняется не сразу, что место действия пьесы – ад и что действующие лица – покойники. Жизнь человека не прерывается смертью, а продолжается и после нее, точнее продолжается адский кошмар существования людей, ибо это существование – существование с Другими. Ад заключен в других обитателях комнаты. Следовательно, спасение состоит в том, чтобы это общение прекратить. Однако такое простое решение оказывается невыполнимым, ведь все они люди, и Другой необходим каждому для самосознания, для конституирования своего внутреннего мира.

Проблема Другого в интерпретации Ж.-П. Сартра (как в литературоведческой, так и в философской практике) открывает для субъекта другой способ существования. Только с открытием бытия-для-другого человеческая реальность оформляется, по мысли автора, в законченную структуру для-себя-для-другого. Если М. М. Бахтин видел в Другом путь, ведущий к диалогу, то Ж.-П. Сартр видел в Другом то, что отбирает свободу. При этом у Ж.-П. Сартра «подлинное бытие <...> возможно лишь как “бытие-с-Пьером” или “бытие-с-Анной”», то есть «бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» [цит. по: 2, с. 342].

Представители постструктурализма, который оказал значительное влияние на современное литературоведение, также внесли свой вклад в разработку проблемы инаковости и Другого в литературоведческой практике.

Так, Ж. Делез проецирует свою концепцию Другого непосредственно на художественное произведение для апробации собственных взглядов на проблему. Другой может быть осмыслен как структура, делающая возможным мир и дающая шанс воспринимать объекты. Такую интерпретацию предлагает Ж. Делез. Ж. Делез развивает тему Другого, обращаясь к роману французского писателя Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Ж. Делез написал к нему статью-комментарий под названием «Мишель Турнье и мир без Другого».

Ж. Делез считает, что в выяснении вопроса о том, кто же такой Другой, многие исследователи допускают ошибку, анализируя его в терминах

объекта и субъекта. По Ж. Делезу, Другой «не есть ни объект в поле моего восприятия, ни субъект, меня воспринимающий, – это, прежде всего структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает. <...> Но какова эта структура? Это структура возможного» [3, с. 287–288]. Следовательно, Другой по Ж. Делезу – воплощение категории возможного.

На наш взгляд, самым интересным в интерпретации Ж. Делезом Другого является то, что, по его мнению, «другой есть структура». Но о каком Другом говорит Ж. Делез? Представляется, что он говорит о Другом как возможном, Другом как о структуре поля восприятия. В концепции Ж. Делеза – два Других: «конкретный» Другой и «априорный» Другой. Один Другой не исключает другого Другого, ибо «априорный» Другой обеспечивает существование возможного мира вообще, несет в себе саму возможность этого мира как таковую, а «конкретный» Другой «обозначает реальные элементы», именно он актуализирует структуру возможного мира. Представляется очевидным, что возможное может стать реальным, когда оно выражено, актуализировано.

Итак, для Ж. Делеза Другой является выражением возможного мира, однако, отметим, что мир Я должен отступить, чтобы «развернулся» мир Другого. До появления Другого у Я имелся собственный мир. Другой как возможный мир захватывает Я, он желает стать возможным.

Таким образом, проблема инаковости и Другого, первоначально разрабатываемая преимущественно в философском дискурсе, является междисциплинарной, а категории инаковости и Другого (применительно к данной статье) – философско-литературоведческими.

Литература

1. Бахтин, М. М. Искусство и ответственность; К философии поступка; Автор и герой в эстетической деятельности; Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин. – Киев: Фирма «Некст», 1994. – 384 с.
2. Можейко, М. А. Другой / М. А. Можейко, Д. В. Майборода // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – 3-е изд., испр. – Минск: Кн. дом, 2003. – С. 342–343.
3. Делез, Ж. Мишель Турнье и мир без другого / Ж. Делез // Турнье, М. Пятница, или Тихоокеанский лимб: Роман / М. Турнье; пер. с фр. И. Волевич. – СПб.: Амфора, 1999. – С.282–302.